

# Хористка

Однажды, когда она еще была моложе, красивее и голосистее, у нее на даче, в антресолях, сидел Николай Петрович Колпаков, ее обожатель. Было нестерпимо жарко и душно. Колпаков только что пообедал и выпил целую бутылку плохого портвейна, чувствовал себя не в духе и нездорово. Оба скучали и ждали, когда спадет жара, чтоб пойти гулять.

Вдруг неожиданно в передней позвонили. Колпаков, который был без сюртука и в туфлях, вскочил и вопросительно поглядел на Пашу.

Должно быть, почтальон или, может, подруга, сказала певица.

Колпаков не стеснялся ни подруг Паши, ни почтальонов, но на всякий случай взял в охапку свое платье и пошел в смежную комнату, а Паша побежала отворять дверь. К ее великому удивлению, на пороге стоял не почтальон и не подруга, а какая-то незнакомая женщина, молодая, красивая, благородно одетая и, по всем видимостям, из порядочных.

Незнакомка была бледна и тяжело дышала, как от ходьбы по высокой лестнице.

Что вам угодно? спросила Паша.

Барыня не сразу ответила. Она сделала шаг вперед, медленно оглядела комнату и села с таким видом, как будто не могла стоять от усталости или нездоровья; потом она долго шевелила бледными губами, стараясь что-то выговорить.

Мой муж у вас? спросила она наконец, подняв на Пашу свои большие глаза с красными, заплаканными веками.

Какой муж? прошептала Паша и вдруг испугалась так, что у нее похолодели руки и ноги. Какой муж? повторила она, начиная дрожать.

Мой муж... Николай Петрович Колпаков.

Не... нет, сударыня... Я... я никакого мужа не знаю.

Прошла минута в молчании. Незнакомка несколько раз провела платком по бледным губам и, чтобы побороть внутреннюю дрожь, задерживала дыхание, а Паша стояла перед ней неподвижно, как вкопанная, и глядела на нее с недоумением и страхом.

Так его, вы говорите, нет здесь? спросила барыня уже твердым голосом и как-то странно улыбаясь.

Я... я не знаю, про кого вы спрашиваете.

Гадкая вы, подлая, мерзкая... пробормотала незнакомка, оглядывая Пашу с ненавистью и отвращением. Да, да... вы гадкая. Очень, очень рада, что, наконец, могу высказать вам ото!

Паша почувствовала, что на эту даму в черном, с сердитыми глазами и с белыми, тонкими пальцами, она производит впечатление чего-то гадкого, безобразного, и ей стало стыдно своих пухлых, красных щек, рябин на носу и чёлки на лбу, которая никак не зачесывалась наверх. И ей казалось, что если бы она была худенькая, не напудренная и без чёлки, то можно было бы скрыть, что она непорядочная, и было бы не так страшно и стыдно стоять перед незнакомой, таинственной дамой.

Где мой муж? продолжала дама. Впрочем, здесь он или нет, мне всё равно, но должна я вам сказать, что обнаружена растрата и Николая Петровича ищут... Его хотят арестовать. Вот что вы наделали!

Барыня встала и в сильном волнении прошла по комнате. Паша глядела на нее и от страха не понимала.

Сегодня же его найдут и арестуют, сказала барыня и всхлипнула, и в этом звуке слышались оскорбление и досада. Я знаю, кто довел его до такого ужаса! Гадкая, мерзкая! Отвратительная, продажная тварь! (У барыни губы покривились и поморщился нос от отвращения.) Я бессильна... слушайте вы, низкая женщина!.. я бессильна, вы сильнее меня, но есть кому вступить за меня и моих детей! Бог всё видит! Он справедлив! Он взыщет с вас за каждую мою слезу, за все бессонные ночи! Будет время, вспомните вы меня!

Опять наступило молчание. Барыня ходила по комнате и ломала руки, а Паша всё еще глядела на нее тупо, с недоумением, не понимала и ждала от нее чего-то страшного.

Я, сударыня, ничего не знаю, проговорила она и вдруг заплакала.

Лжете вы! крикнула барыня и злобно сверкнула на нее глазами. Мне всё известно! Я давно уже знаю вас! Я знаю, в последний месяц он просиживал у вас каждый день!

Да. Так что же? Что ж из этого? У меня бывает много гостей, но я никого не неволю. Вольному воля.

Я говорю вам: обнаружена растрата! Он растратил на службе чужие деньги! Ради такой... как вы, ради вас он решился на преступление. Послушайте, сказала барыня решительным тоном, останавливаясь перед Пашей. У вас не может быть принципов, вы живете для того только, чтоб приносить зло, это цель ваша, но нельзя же думать, что вы так низко пали, что у вас не осталось и следа человеческого чувства! У него есть жена, дети... Если его осудят и сошлют, то я и дети умрем с голода... Поймите вы это! А между тем есть средство спасти его и нас от нищеты и позора. Если я сегодня внесу девятьсот рублей, то его оставят в покое. Только девятьсот рублей!

Какие девятьсот рублей? тихо спросила Паша. Я... я не знаю... Я не брала.

Я не прошу у вас девятисот рублей... у вас нет денег, да и не нужно мне

вашего. Я прошу другого... Мужчины обыкновенно таким, как вы, дарят драгоценные вещи. Возвратите мне только те вещи, которые дарил вам мой муж!

Сударыня, они никаких вещей мне не дарили! взвизгнула Паша, начиная понимать.

Где же деньги? Он растратил свое, мое и чужое... Куда же всё это девалось? Послушайте, я прошу вас! Я была возмущена и наговорила вам много неприятного, но я извиняюсь. Вы должны меня ненавидеть, я знаю, но если вы способны на сострадание, то войдите в мое положение! Умоляю вас, отдайте мне вещи!

Гм... сказала Паша и пожала плечами. Я бы с удовольствием, но, накажи меня бог, они ничего мне не давали. Верьте совести. Впрочем, правда ваша, смутилась певица, они как-то привезли мне две штучки. Извольте, я отдам, ежели желаете...

Паша выдвинула один из туалетных ящичков и достала оттуда дутый золотой браслет и жидкое колечко с рубином.

Извольте! сказала она, подавая эти вещи госте.

Барыня вспыхнула, и лицо ее задрожало. Она оскорбилась.

Что же вы мне даете? сказала она. Я не милостыни прошу, а того, что принадлежит не вам... что вы, пользуясь вашим положением, выжали из моего мужа... этого слабого, несчастного человека... В четверг, когда я видела вас с мужем на пристани, на вас были дорогие броши и браслеты. Стало быть, нечего разыгрывать передо мной невинного барашка! Я в последний раз прошу: дадите вы мне вещи или нет?

Какие вы, ей-богу, странные... сказала Паша, начиная обижаться. Заверяю вас, что от вашего Николая Петровича я, кроме этой браслеты и колечка, ничего не видела. Они привозили мне только сладкие пирожки.

Сладкие пирожки... усмехнулась незнакомка. Дома детям есть нечего, а тут сладкие пирожки. Вы решительно отказываетесь возвратить вещи?

Не получив ответа, барыня села и, о чем-то думая, уставилась в одну точку. Что же теперь делать? проговорила она. Если я не достану девятисот рублей, то и он погиб, и я с детьми погибла. Убить эту мерзавку или на колени стать перед ней, что ли?

Барыня прижала платок к лицу и зарыдала.

Я прошу вас! слышалось сквозь ее рыдания. Вы же ведь разорили и погубили мужа, спасите его... Вы не имеете к нему сострадания, но дети... дети... Чем дети виноваты?

Паша вообразила маленьких детей, которые стоят на улице и плачут от голода, и сама зарыдала.

Что же я могу сделать, сударыня? сказала она. Вы говорите, что я мерзавка и

разорила Николая Петровича, а я вам, как пред истинным богом... заверяю вас, никакой пользы я от них не имею... В нашем хоре только у одной Моти богатый содержатель, а все мы перебиваемся с хлеба на квас. Николай Петрович образованный и деликатный господин, ну, я и принимала. Нам нельзя не принимать.

Я прошу вещи! Вещи мне дайте! Я плачу... унижаюсь... Извольте, я на колени стану! Извольте!

Паша вскрикнула от испуга и замахала руками. Она чувствовала, что эта бледная, красивая барыня, которая выражается благородно, как в театре, в самом деле может стать перед ней на колени, именно из гордости, из благородства, чтобы возвысить себя и унижить хористку.

Хорошо, я отдам вам вещи! засуетилась Паша, утирая глаза. Извольте. Только они не Николая Петровичевы... Я их от других гостей получила. Как вам угодно-с...

Паша выдвинула верхний ящик комода, достала оттуда брошку с алмазами, коралловую нитку, несколько колец, браслет и подала всё это даме.

Возьмите, ежели желаете, только я от вашего мужа никакой пользы не имела. Берите, богатейте! продолжала Паша, оскорбленная угрозой стать на колени.

А ежели вы благородная... законная ему супруга, то и держали бы его при себе. Стало быть! Я его не звала к себе, он сам пришел...

Барыня сквозь слезы оглядела поданные ей вещи и сказала:

Это не всё... Тут и на пятьсот рублей не будет.

Паша порывисто вышвырнула из комода еще золотые часы, портсигар и запонки и сказала, разводя руками:

А больше у меня ничего не осталось... Хоть обыщите!

Гостья вздохнула, дрожащими руками завернула вещи в платочек, и, не сказав ни слова, даже не кивнув головой, вышла.

Отворилась из соседней комнаты дверь, и вошел Колпаков. Он был бледен и нервно встряхивал головой, как будто только что принял что-то очень горькое; на глазах у него блеснули слезы.

Какие вы мне вещи приносили? набросилась на него Паша. Когда, позвольте вас спросить?

Вещи... Пустое это вещи! проговорил Колпаков и встряхнул головой. Боже мой! Она перед тобой плакала, унижалась...

Я вас спрашиваю: какие вы мне вещи приносили? крикнула Паша.

Боже мой, она, порядочная, гордая, чистая... даже на колени хотела стать перед... перед этой девкой! И я довел ее до этого! Я допустил!

Он схватил себя за голову и простонал:

Нет, я никогда не прощу себе этого! Не прощу! Отойди от меня прочь... дрянь! крикнул он с отвращением, пятась от Паши и отстраняя ее от себя

дрожащими руками. Она хотела стать на колени и... перед кем? Перед тобой! О, боже мой!

Он быстро оделся и, брезгливо сторонясь Паши, направился к двери и вышел. Паша легла и стала громко плакать. Ей уже было жаль своих вещей, которые она сгоряча отдала, и было обидно. Она вспомнила, как три года назад ее ни за что, ни про что побил один купец, и еще громче заплакала.